

1984, 12 дек.

КНИГИ:
НОВИНКА НЕДЕЛИ

В мире Врубеля

«...Первая встреча с ним, — пишет Н. Дмитриева в книге «Михаил Врубель» (издательство «Детская литература»), — должна состояться в молодые годы: не испытав в юности обаяния Врубеля, потом наверстать уже трудно».

И выход самой этой книги многим облегчит эту встречу, поможет войти в своеобразный мир великого русского художника, произведения которого на первых порах вызвали яростные нападки и ожесточенные споры. Он резко выделялся даже в блистательном ряду молодых русских художников, выступивших в восьмидесятые годы прошлого века (Левитан, Серов, Коровин, Нестеров), ибо, по выражению Н. Дмитриевой, «взял несвойственную его поколению высокую романтическую ноту и казался ни на кого не похожим, как бы пришедшим из какого-то другого века».

Кажется странным, что его любимым писателем был Чехов, долго казавшийся многим современникам и некоторым позднейшим критикам певцом «сумерек» и «хмурых людей». Однако Н. Дмитриева приводит примеры «необыкновенной одухотворенности» чеховских пейзажей из особенно ценной художником повести «Степь», где «в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску», где все вызывает к неведомому «певцу», который раскрыл бы все очарование окружающего мира, и устанавливает их родство со страстной врубелевской тягой к красоте, с открытием им фантастичности в самой природе — «фантастичности, проистекающей от непривычно пристального взгляда на натуру», или, как говорил сам художник, от «любовных бесед» с нею.

Вообще автор книги превосходно показывает, какими тонкими и в то же время прочнейшими «капиллярами» был связан Врубель — при всей необычности его творческой манеры — с русским и мировым искусством, с литературой и театром. Так, история его любви к певице Забеле становится повестью о плодотворнейшем для обоих творческом союзе, о том,

как перед художником раскрылся не только мир музыки Римского-Корсакова, но и неисчерпаемое богатство русского и сказочного фольклора, в свободной поэтической интерпретации которого Врубель вскоре достиг выдающихся успехов.

Однако он не мог просто любоваться ни бесконечным богатством природных форм, ни величавыми образами русского эпоса. «Его, — пишет исследовательница, — посещали глубокие смутения, которые он делил со своей эпохой, хотя ближайшие причины, может быть, и были интимными и личными». Тут уместно припомнить и слова столь родственного Врубелю Блока о том, что «в поэтическом ощущении мира нет разрыва между личным и общим» и «поэтому в эпохи бурь и тревог нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой».

Рассказывая о написанном Врубелем портрете Саввы Мамонтова, Н. Дмитриева цитирует высказывание одного из своих коллег-искусствоведов (их удачные наблюдения и суждения она вообще часто демонстрирует, — прекрасная черта!): «Мамонтов Врубеля — это тот же русский богатырь Микула, только одетый во фрак и лакированные штиблеты».

Стоит, однако, заметить, что экспрессивная, напряженная поза этого «килосса во фраке» все-таки больше в духе нового, тревожного времени, его взрывчатой динамики и трагических противоречий. Тут уж скорее припоминается взволнованно-тоскливое восклицание чеховского Лопухина, человека «мамонтовского» склада: «Иной раз, когда не спишь, я думаю: господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...» Должны бы! Но...

А многочисленные варианты врубелевского «Демона», образ которого издавна занимал художника как олицетворение «вечной борьбы мятущегося человеческого духа» и воплощал для него «целый мир сложных переживаний», драматически отразили все духовные скитания автора, все его взлеты и катастрофы: «...мы чувствуем — «здесь человек сгорел», — комментирует исследовательница последний вариант «Демона поверженного».

Она ведет свой рассказ об этой трудной жизни без утаек и умолчаний о том, что в сложной атмосфере рубежа веков «в глубокий органичный звук врубелевского искусства нет-нет и вторгаются какие-то дребезжащие призвуки, обусловленные и тогдашними «модными» веяниями и требованиями капризных заказчиков, и надвигающейся душевной болезнью».

Над могилой Врубеля прозвучала знаменитая речь Александра Блока. Но, быть может, самой верной, хотя и трогательно-наивной, эпитафией художнику могли бы послужить слова другого участника похоронного обряда, который сказал, что Врубелю простятся все грехи, так как он был работником.

Гениальным работником предстает он и в книге, о которой шла речь.

А. ТУРКОВ.